

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.06.2026 г.

Дата принятия рукописи в печать: 30.07.2026 г.

*ГЕРАСИК Виктория Сергеевна,
магистрант 2 курса факультета высшего образования
Сочинского филиала ВГУЮ (РПА Минюста России), г.Сочи,
e-mail: vios_k@icloud.com*

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ПОКУШЕНИЯ НА УБИЙСТВА И УГРОЗЫ УБИЙСТВОМ В СОВРЕМЕННОЙ ПРАКТИКЕ СЛЕДСТВИЯ И СУДА

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные научно-теоретические и правоприменительные аспекты квалификации, связанные с отграничением покушения на убийство (ч. 3 ст. 30 ч. 1 ст. 105 УК РФ) от угрозы убийством (ст. 119 УК РФ). Автор останавливается на спорных моментах субъективной и объективной сторон указанных составов, создающих наибольшие трудности как в работе следственных органов, так и судов. Отдельно рассматриваются противоречия в судебном толковании, проистекающие из пробелов в законодательстве и субъективности при оценке психического восприятия совершенного деяния потерпевшими.

Ключевые слова: квалификация, смежные составы преступлений, покушение, угроза убийством, умысел, практика.

*GERASIK Viktoria Sergeevna,
2nd-year master's student at the Faculty of Higher Education,
Sochi branch of the Federal State Institution
(RPA of the Ministry of Justice of Russia), Sochi*

DISCUSSED ISSUES REGARDING THE DISTINCTION BETWEEN ATTEMPTED MURDER AND THREATENED MURDER IN MODERN INVESTIGATIVE AND COURT PRACTICE

Annotation. The article examines current scientific, theoretical, and law enforcement aspects of qualification related to distinguishing attempted murder (Part 3 of Article 30, Part 1 of Article 105 of the Criminal Code of the Russian Federation) from a threat to commit murder (Article 119 of the Criminal Code of the Russian Federation). The author focuses on the controversial issues related to the subjective and objective aspects of these criminal offenses, which create the greatest difficulties both for investigative bodies and for the courts. Contradictions in judicial interpretation arising from gaps in the legislation and subjectivity in assessing the victims' psychological perception of the act are examined separately.

Key words: qualification, related crimes, attempt, threat to kill, intent, practice.

Вопросы отграничения смежных составов преступлений традиционно относятся к числу наиболее сложных в отечественной уголовно-правовой доктрине. Ключевая проблема, в большинстве случаев, кроется в установлении действительной направленности умысла виновного. В теории уголовного права и судебной практике сложилась устойчивая тенденция: квалификация неоконченного убийства, предложенная органами предварительного расследования, преимущественно, не поддерживается судебными инстанциями, так как субъективная сторона преступления оценивается участниками уголовного процесса неодинаково. Причинами выступает природа умысла, которая не может быть однозначно формализована, а также сжатые сроки расследования, не позволяющие следствию в полной мере проанализировать всю совокупность обстоятельств, характеризующих поведение ви-

новного до, во время и после деяния. Ошибки на данном этапе неизбежно ведут к искажению юридической оценки не только субъективных, но и объективных признаков преступления. Сложность усугубляется и тем, что законодатель не всегда проводит четкие границы между составами, а разъяснения Пленума Верховного Суда и Конституционного Суда РФ не охватывают всех спорных ситуаций.

Особую актуальность эта проблема приобретает при разграничении угрозы убийством (ст. 119 УК РФ) и покушения на убийство (ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 105 УК РФ). Практическое значение такого разграничения заключается в том, что именно от квалификации зависит итоговая санкция и справедливость назначаемого наказания.

Статья 119 УК РФ предусматривает ответственность за угрозу убийством либо причинением тяжкого вреда здоровью [1]. Данный состав

относится к категории формальных, момент его окончания связывается не с наступлением общественно опасных последствий, а с самим фактом внешнего выражения угрозы, которое может быть облечено в любую активную форму. Однако, обязательным условием квалификации выступает наличие у потерпевшего реальных оснований опасаться приведения угрозы в исполнение. В доктрине такие составы иногда именуют «информационными» преступлениями, поскольку механизм воздействия проходит через психику потерпевшего. Воздействуя на психическое состояние личности, виновный порождает у человека стойкое чувство тревоги и беспокойства за собственную жизнь, здоровье и безопасность.

Векленко С. В. и Шутова Ю. А. отмечают, что угроза убийством всегда сопряжена с намерением запугать потерпевшего. Запугивание в данном контексте предполагает подавление воли потерпевшего, что необходимо виновному для того, чтобы направить поведение жертвы в желаемое для себя русло [4 с. 65].

Покушение на убийство (ч. 3 ст. 30, ст. 105 УК РФ), в свою очередь, сконструировано как неоконченное преступление. Его отличает начало стадии исполнения — совершение поведенческих актов (действий либо бездействия), в которых находят частичное выражение признаки умышленного лишения жизни другого человека. Объективная сторона покушения обладает признаком, установленным законодателем: преступление не доводится до конца вследствие обстоятельств, независящих от виновного.

Различие между указанными составами прослеживается как по объективной стороне, так и по содержанию умысла. При угрозе убийством намерение виновного сводится к устрашению потерпевшего, а не к лишению его жизни посредством совершаемых действий. При покушении же сами действия объективно способны повлечь смерть и направлены именно на её причинение. Иными словами, умысел в рамках ст. 119 УК РФ сопряжён с формированием у потерпевшего чувства страха и восприятия опасности, тогда как при покушении он ориентирован на лишение жизни.

Однако в действительности внешне тождественные действия нередко получают неодинаковую интерпретацию со стороны участников уголовного судопроизводства. Часть сложностей при разграничении угрозы убийством от покушения на убийство проистекает также из-за недостаточной определённости границы между угрозой и насилием. Насилие в уголовно-правовом смысле — категория, охватывающая как физическое, так и психическое воздействие. Речь идёт о ситуациях, когда виновный сознательно применяет физическую силу к другому человеку, посягая на его телесную неприкосновенность, причиняя боль, вред здоровью или лишая жизни [5 с. 125].

Анализ судебной практики демонстрирует, что дефекты установления направленности

умысла виновного часто возникают из-за недостаточной конкретизации в процессуальных документах признаков угрозы, предусмотренной ст. 119 УК РФ. Кроме того, затруднения вызывает и отсутствие указания на то, в чем именно выражались опасения потерпевшего, вследствие чего происходит необъективная и не полная оценка судом всех собранных по делу доказательств.

Так, постановлением Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 6 февраля 2025 г. по делу № 7У-8733/2024 [77-257/2025-(77-3818/2024)] оправдательный приговор суда первой инстанции и апелляционное определение по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ч.1 ст. 119 УК РФ, были отменены. Кассационная инстанция констатировала, что нижестоящие суды не произвели всесторонней оценки совокупности собранных доказательств, не разрешили противоречия, содержащиеся в показаниях потерпевшей, и не привели в приговоре мотивов, по которым были отвергнуты ее первоначальные показания. Помимо этого, в приговоре отсутствовало указание на конкретную угрозу, вменявшуюся подсудимому, а также ее обязательные признаки, из-за чего нижестоящие инстанции пришли к противоречивому выводу [2].

Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 22 июля 2021 г. № 82-УД21-7-К7 демонстрирует еще одну схожую распространенную ошибку. Когда насилие сопровождается высказываниями об убийстве, суды, в ряде случаев, автоматически усматривают статью 119 УК РФ, однако далеко не всякое насилие, соединенное с высказыванием об убийстве, образует данный состав. В указанном деле виновный наносил потерпевшему удары руками, металлическим предметом и ногами по разным частям тела, в том числе по голове, тем не менее, суды первой и апелляционной инстанции сошлись в квалификации содеянного по ч. 1 ст. 119 УК РФ. Верховный Суд РФ отменил решения нижестоящих инстанций и разъяснил, что оценке подлежат не любые насильственные действия, а лишь те, которые действительно порождают у потерпевшего уверенность в реальности угрозы и ее опасности. Реальность угрозы должна устанавливаться через совокупность субъективного и объективного критериев. Субъективный критерий отражает намерение виновного привести угрозу в исполнение и восприятие ее потерпевшим как опасной для жизни, при этом угроза должна быть для потерпевшего очевидной. Объективный критерий выявляется с учетом обстановки, в которой угроза была высказана, личности угрожающего, а также характера взаимоотношений между потерпевшим и виновным [3].

Противоположный случай — когда как покушение квалифицируются лишь жесты или высказывания, не подкреплённые действиями, действительно способными причинить смерть. Подобные ситуации встречаются нередко в делах,

выросших из бытовых ссор, что обнажает методологическую слабость в обращении с категорией «непосредственности» покушения [6 с. 741], а также моментом начала исполнительской стадии посягательства.

В работах В.Ф. Щепелькова и Е.В. Ивановой также подчёркивается, что по уголовным делам о покушении на убийство, возникшим не в результате заранее продуманного плана, а вследствие спонтанного развития бытового или семейного конфликта, установление направленности умысла и виновности лица сопряжено с серьёзными трудностями, так как при спланированном преступлении довольно просто оценивать, что предвидел и желал виновный, сложности возникают, когда все происходит при внезапно возникшем умысле [7 с. 248].

Описанные дефекты свидетельствуют о разрыве между нормативной конструкцией состава и его фактическим установлением. Правоприменитель, в большинстве случаев, не исследует противоречия в показаниях, не конкретизирует содержание угрозы либо механически выводит признак реальности из самого факта насильственных действий, из-за чего происходит подмена доказывания квалификационным шаблоном.

Подводя итог всему вышеизложенному, можно сделать вывод, что проблематика разграничения смежных составов преступлений возникает не только из-за дефектов законодательной регламентации. Существенная, а в ряде случаев и определяющая роль принадлежит качеству правоприменительной деятельности. Органы предварительного расследования и суд зачастую ограничиваются констатацией внешней стороны содеянного, не осуществляя должного проникновения в содержание умысла виновного, что составляет основу квалификации.

Для решения вышеуказанных проблем целесообразно акцентировать внимание в правоприменительной практике с поверхностного установления внешних признаков деяния на содержательный анализ субъективной стороны, что предполагает не просто фиксацию факта высказывания угрозы или нанесения ударов, а тщательное исследование всех обстоятельств дела. Необходимость установления более детальной процессуальной регламентации описания признаков угрозы в обвинительных заключениях и приговорах. Следует указывать, в чем конкретно выражалась угроза, какими словами или действиями она сопровождалась, на чем основывался страх потерпевшего и почему у него были реальные основания опасаться приведения угрозы в исполнение. Подобная конкретизация не только дисциплинирует правоприменителя, но и создает предпосылки для последующей проверки законности вышестоящими инстанциями.

Для достижения перечисленных целей требуется пересмотр норм, регулирующих указанные процедуры, с акцентом на повышение от-

ветственности участников уголовного процесса, несущих обязанность доказывания за качество предварительного расследования, а также на укрепление гарантий прав участников процесса и повышение прозрачности судебных решений.

Также, представляется продуктивным обратиться к накопленному доктринальному опыту и обобщить его в формате методических рекомендаций для правоприменителей, так как судебные разъяснения не могут охватить всего многообразия спорных ситуаций. Необходимость выработки четких критериев разграничения, которые бы не подменяли собой закон, но помогали ориентироваться в спорных ситуациях.

Данные положения позволили бы снизить изменчивость квалификации и укрепить единообразие судебной практики.

Список литературы:

- [1] Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ : (ред. от 09.04.2026) // КонсультантПлюс : сайт. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 02.09.2026).
- [2] Постановление Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 06.02.2025 по делу № 7У-8733/2024 [77-257/2025-(77-3818/2024)] // Четвертый кассационный суд общей юрисдикции : официальный сайт. – URL: https://4kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srn_num=1&name_op=case&case_id=36089547&case_uid=742742a3-15ff-4999-ae05-ab9c4180f942&delo_id=2450001&new=2450001 (дата обращения: 22.09.2026).
- [3] Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 22.07.2021 № 82-УД21-7-К7 // Legalacts.ru : сайт. – URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoy-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-22072021-n-82-ud21-7-k7/> (дата обращения: 22.09.2026).
- [4] Векленко, С. В., Шутова А. Ю. Особенности целеполагания при угрозе убийством или причинением тяжкого вреда здоровью / С. В. Векленко, А. Ю. Шутова // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2024. – Т. 15, № 1 (55). – С. 60–67.
- [5] Зотов, А. Ю. Проблемы квалификации угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, возникающие в современной следственной и судебной практике / А. Ю. Зотов // Право и практика. – 2022. – № 2. – С. 121–125.
- [6] Хлопчарова, С. В. Проблемы разграничения угрозы убийством и покушения на убийство в российской правоприменительной практике / С. В. Хлопчарова // Вестник науки. – 2025. – № 12 (93). – С. 738–742.
- [7] Щепельков, В. Ф., Иванова Е. В. Отграничение покушения на убийство от преступлений со смежными составами по делам о домашнем насилии / В. Ф. Щепельков, Е. В. Иванова // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 4 (104). – С. 245–254.

References:

- [1] *Criminal Code of the Russian Federation : Federal Law No. 63-FZ of June 13, 1996 : (as amended on April 9, 2026) // ConsultantPlus : website. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (accessed: September 2, 2026).*
- [2] *Ruling of the Fourth Cassation Court of General Jurisdiction dated February 6, 2025, in Case No. 7UI-8733/2024 [77-257/2025-(77-3818/2024)] // Fourth Cassation Court of General Jurisdiction : official website. – URL: https://4kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=36089547&case_uid=742742a3-15ff-4999-ae05-ab9c4180f942&delo_id=2450001&new=2450001 (accessed: September 22, 2026).*
- [3] *Ruling of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated July 22, 2021, No. 82-UD21-7-K7 // Legalacts.ru : website. – URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-pougovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-22072021-n-82-ud21-7-k7/> (accessed: 22.09.2026).*
- [4] *Veklenko, S. V., Shutova A. Yu. Specifics of goal-setting in cases of threats to kill or inflict grievous bodily harm / S. V. Veklenko, Yu. A. Shutova // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – Vol. 15, No. 1 (55). – P. 60–67.*
- [5] *Zotov, A. Yu. Issues regarding the legal classification of threats to kill or inflict grievous bodily harm arising in modern investigative and judicial practice / A. Yu. Zotov // Law and Practice. – 2022. – No. 2. – P. 121–125.*
- [6] *Khlopcharova, S. V. Issues of distinguishing between a threat to kill and attempted murder in Russian law enforcement practice / S. V. Khlopcharova // Bulletin of Science. – 2025. – No. 12 (93). – P. 738–742.*
- [7] *Shchepelkov, V. F., Ivanova E. V. Distinguishing attempted murder from offenses with related elements in domestic violence cases / V. F. Shchepelkov, E. V. Ivanova // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – No. 4 (104). – Pp. 245–254.*

